

Читателю, интересующемуся литературой по этнографии Сибири, имена Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина достаточно хорошо известны. Вместе и порознь они опубликовали ряд книг и статей, освещающих хозяйственное развитие, материальную культуру, общественные отношения, мировоззрение хантов и селкупов, населяющих васюганское и нарымское Приобье, бассейн Ваха и сопредельные территории Западной Сибири¹.

И вот перед нами их новая работа. Хотя книга имеет скромный подзаголовок «Этнографические очерки», авторы дают возможность читателю составить цельное и достаточно подробное представление о хозяйстве, материальной (глава I) и духовной культуре (глава II), а также социальной организации и семейно-брачных отношениях (глава III) этой группы угорского населения Западной Сибири. Удачно сочтены материалы, извлеченные из работ предшественников, с собственными полевыми наблюдениями, В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина ярко и достоверно характеризуют орудия труда, хозяйственную жизнь, элементы бытовой культуры, духовный мир восточных хантов. Читатель найдет в книге сведения об основных хозяйственных занятиях васюганско-ваховских хантов — рыболовстве и охоте, домашнем производстве, транспортных средствах, поселениях и жилище, одежде и обуви, головных уборах. С интересом читаются страницы, где рассказывается о народных знаниях и народном творчестве (изобразительном искусстве, фольклоре, народной музыке) хантов, описываются их религиозные представления и представления, связанные с рождением, жизнью и смертью человека.

Отличительная черта большинства разделов книги — чрезвычайная тщательность и этнографическая точность описаний. Авторы вводят в научный оборот значительное число этнографических терминов. Параллельно с описанием предметов материальной культуры приводятся их названия в ряде случаев на обоих говорах диалекта восточной группы хантов — васюганском и ваховском. Это свидетельствует о высоком профессиональном уровне работы и большом полевом опыте В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной.

Однако несмотря на все перечисленные достоинства рецензируемой книги, мы должны высказать в адрес авторов и ряд замечаний. К недостаткам двух первых глав книги надо отнести нечеткость композиционного построения внутренних разделов. С нашей точки зрения, утварь как элемент домашней обстановки следовало рассматривать не вместе с пищей, а в разделе «Поселения и жилище». Вряд ли удачно объединять в одной главе позитивные народные знания и народное творчество с религиозными представлениями.

Следует заметить также, что в работе, посвященной региональной группе небольшого по численности народа, нельзя заменять описание отдельных разделов материальной и духовной культуры ссылкой на другие, к тому же малодоступные работы. Между тем именно к такому приему прибегают авторы в отношении орудий рыболовства (стр. 17) и лодок-долбленок (стр. 50). Очень бегло, скороговоркой, изложен материал о пище.

Нельзя согласиться и с утверждением В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной о том, что в этнически однородной среде (в данном случае у восточных хантов) природно-хозяйственные периоды, легшие в основу традиционного народного календаря, не только не имели устойчивых названий, но «продолжительность и количество периодов не были строго установленными» (стр. 14). В данном случае явно не учитываются те обстоятельства, что под воздействием изменений хозяйственного цикла, переустройства промысловых отраслей в связи с организацией и деятельностью колхозов и совхозов, наконец, под влиянием русского календаря традиционные представления о народном календаре стираются и утрачиваются чрезвычайно быстро. Сегодня они во многом не соответствуют тем, что бытовали у народов Севера еще каких-нибудь 20 лет назад, в чем мы имели возможность убедиться во время недавних полевых выездов в различные тундровые и таежные районы. Нет никакого сомнения, что в период, исследуемый авторами, народный календарь восточных хантов строго соответствовал укладу их хозяйственной деятельности и природно-погодным циклам. Как справедливо отмечалось в литературе, «... в эпоху, когда время можно было измерять при помощи данных, полученных из наблюдений над небом и погодой, необходима была самая точная однозначность с определенностью соответствующих названий отрезков времени»².

И все же наибольшие претензии следует предъявить к третьей главе, в особенности к разделу «Формы социальной организации». Даже искусственному специалисту трудно

¹ См., например: «Легенды и сказки хантов. Записи, введение и примечания В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной». Томск, 1973; Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин. Новые данные по социальной организации восточных хантов. — «Из истории Сибири», в. 21, Томск, 1976; «Материалы по фольклору хантов. Записи, введение и примечания В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной», Томск, 1978; Н. В. Лукина. Оленеводство ваховских хантов. — «Из истории Сибири», в. 5, Томск, 1973; В. М. Кулемзин. Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX в. — «Из истории шаманства». Томск, 1976, и др.

² См. В. Шаур. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев. — «Этимология 1971». М., 1973, с. 93, 94.

составить представление о таких социальных подразделениях, как *jaV* — «народ», *пуч*, *поч* — «порода» и др., поскольку авторы избегают пользоваться общепринятой этнографической терминологией и ограничиваются описательными характеристиками этих общественных институтов.

Ограниченность листажа не позволила В. М. Кулемзину и Н. В. Лукиной рассмотреть описанные ими элементы культуры восточных хантов в сравнении с аналогичными элементами культуры других обско-угорских этнографических групп, а также их ближайших соседей — ненцев, селькупов, кетов, эвенков. А такие сопоставления в отдельных случаях буквально напрашиваются. Это касается в первую очередь всего оленеводческого комплекса ваховских хантов генетически, несомненно, восходящего к их этническим контактам с самодийским миром. В то же время тип чума, бытовавший на Вахе в прошлом столетии, со специфическим креплением верхних концов шестов с помощью обруча, достаточно определенно указывает на кетское влияние. Женское злое начало Пырнэ из пантеона ваховских хантов может быть сопоставлено с Порнэ — волосатым женоподобным существом ненецкого фольклора — пожирательницей детей и прародительницей оводов и гнуса. Представление хантов Васюгана и Ваха о том, что Млечный путь на небе — это след лыж сына Торума, творца земли и всего живого, имеет прямую связь с одним из лучших произведений энецкого фольклора — Звездным мифом³. Число подобных примеров можно было бы увеличить. Отдельной темой, которая еще ждет своего освещения, является культурное влияние русских на быт и культуру восточных хантов.

Весь этот круг проблем может и должен стать предметом самостоятельного исследования и хочется высказать пожелание и надежду, что В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина еще вернутся к их разработке.

Книга о васюганско-ваховских хантах не залеживается на полках библиотек. Ее читают не только специалисты — этнографы, историки, археологи-сибиреведы. Она является полезным пособием для учителей, работников культуры, геологов и нефтяников Тюмени и Притомья, всех, кто живет и трудится на Севере и прочно сроднился с ним.

В. И. Васильев, В. В. Лебедев

³ «Мифологические сказки и исторические предания энцев». Записи, введение и комментарии В. О. Долгих. М., 1961, с. 15—27.

Е. П. Алексеева. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Черкесск, 1976, 182 с.

Новая книга Е. П. Алексеевой посвящена проблеме актуальной и весьма дискуссионной.

В первой главе ее дано обстоятельное описание меотских и сармато-аланских могильников Прикубанья III в. до н. э.— IV в. н. э. Е. П. Алексеева, выделяя критерии погребального обряда и похоронного ритуала, которые могут служить основанием для этнического определения захоронений, считает, что инвентарь могил не может быть бесспорным показателем. Эти предварительные посылки в целом убедительны, хотя многие черты и детали обрядности прикубанских погребений, взятые отдельно, дают значительный простор для взаимоисключающих толкований, что и диктует необходимость комплексного подхода к ним.

Далее дается краткое описание могильников Северо-Западного Кавказа (около 70). Это единственный в специальной литературе столь подробный свод соответствующих источников. Он, однако, не полон в отношении периферии той основной территории, которой занимается автор (отсутствуют Старо-Титаровские курганы, впускные погребения в курганах у станицы Курганской, г. Анапы и пр.). Не оправдано отсутствие сведений о некрополях ряда боспорских городов (Фанагории, Тиамбы, Кеп), представляющих для поднятой проблемы не меньший интерес, чем материалы Тузлинского и «Сенного» могильников, привлеченные автором. Думается, что не лишним было бы внести в обзор и данные об эпиграфических памятниках Северо-Западного Кавказа, упоминающих сираков, алан, меотов. Но все это — частные просчеты, не меняющие общей высокой оценки квалифицированного и наполненного существенными подробностями свода исследуемых памятников.

Убедительна в целом характеристика могильников III в. до н. э.— IV в. н. э. Е. П. Алексеева верно отмечает, что бескурганные некрополи Нижнего и Среднего Прикубанья в основной массе меотские. Верно и то, что в некоторых из них (и чем ближе к нашей эре, тем чаще) «встречаются элементы, характерные для сарматского обряда, — перекрещенность ног, мел и др.». Сарматскими и раннеаланскими, по твердому убеждению Е. П. Алексеевой, являются соответственно подбой и катакомбы, встреченные в нескольких пунктах.

Последнее мнение можно принять лишь с оговоркой. Близкие прикубанским катакомб земляные склепы известны в некрополях боспорских городов, а также в Ольвии,